

Королева Ольга

Историческое фэнтези.
Судьба через время и пространство

Я вернусь хоть на тысячу лет

18+

том 1

Ольга Королева

Я вернусь хоть на тысячу лет

<https://litres.ru/73901639>

SelfPub; 2026

Аннотация

В конце 25 века человечество, достигшее невероятных успехов в технологическом развитии, оказывается на грани полного вымирания. Ученые различных НИИ пытаются найти решение проблемы. Но что, если причина катастрофы кроется в аномалии, возникшей в прошлом?

Хронопсихолог Алиса Ветрова такую аномалию нашла. Она отправится в прошлое и постарается исправить ошибку, допущенную по вине чьей-то алчности. Ей будет противостоять сам великий инквизитор Томас Торквемада и испанская инквизиция. Но на её стороне технический прогресс 25 века и чистое сердце.

...За двадцать лет до её появления в Кастилии деревенская травница Изабель спасает смертельно раненого воина...

... В это же время за тысячи верст от них, из Великого Новгорода отправляется в далекий путь в Москву маленький заложник Великого Князя - Василий Кузьмин...

Истории развиваются параллельно: где-то любовь, способная преодолеть все преграды, а где-то становление юного воина... Но возможно, судьбы героев как-то связаны?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	21
Глава 2	29
Глава 3	38
Глава 4	48
Глава 5	58
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ольга Королева

Я вернусь хоть на тысячу лет

Пролог

21 мая 2496 год. Институт Хронокоррекции. Кафедра Хронопсихологии, Москва.

Алиса Ветрова работала последние месяцы почти без выходных. Мир за стенами Института стремительно разрушался. Все силы ученых из разных исследовательских институтов были брошены на поиск путей спасения стремительно угасающего человечества. Что к этому привело, сказать не мог пока никто.

Человечество достигло небывалых высот в технологическом прогрессе. Люди перестали страдать из-за неразделённых чувств — уже пару столетий партнеров подбирали специальный алгоритм, учитывающий генетическую, когнитивную и ментальную совместимость. Люди стали спокойными, бесконфликтными, но и случаев суицида или убийств любого гена не было зафиксировано уже более ста лет. В последние столетия исчезли войны и болезни.

Никто уже не спорил, не ревновал, не сходил с ума от любви. Считалось, что человечество наконец победило собственную биологию.

И до последних десятилетий ничего не вызывало опасений. Но в последнее время выяснился удивительный и шокирующий факт. Как бы идеально люди не подходили друг другу с точки зрения алгоритма, как бы спокойно рядом с партнером не было, уровень фертильности упал до 0,4%. Дети не рождались уже целое поколение, последний младенец появился 18 лет назад.

А пару десятилетий назад выяснилось, что и продолжительность жизни стала резко снижаться без видимых причин. Нет болезней, нет войн, организмы людей идеально здоровы по всем биометрическим показателям, но при этом уже два десятка лет люди едва доживают до сорока лет. В какой-то момент человек просто «выключается», будто исчерпав какой-то внутренний ресурс, который невозможно ни измерить, ни обнаружить никакими приборами.

По всем моделям расчетов, выходило, что человечеству осталось не больше двадцати лет. И всё. Перспектив нет совсем. Человечество как вид, просто вымирает.

Какие-то НИИ искали проблему в организмах, другие пытались найти возбудителей, ранее неизвестных науке, каким-то образом появившихся в практически стерильном мире.

У Алисы был свой взгляд на решение проблемы. Она во-

обще сильно отличалась от подавляющего большинства людей, её окружающих. В институте её считали талантливой, но совершенно «неудобной». В мире, где алгоритм безошибочно подбирал партнера на 99,99% совместимости, у нее такой пары не было. Да и у неё в голове не укладывалось, как можно жить счастливо с партнером, при виде которого не изменяется ритм сердца, и который на все её эмоциональные всплески лишь спокойно советует принять дозу корректирующего успокоителя. Ей с самого детства тяжело дышалось в этой стерильной среде. Её не понимали даже собственные родители. К своим 30 годам она порядком устала от вечных попыток окружающих переделать её под общий шаблон. Она стала самым сильным специалистом по древности. Выучила древние языки, чтобы можно было самой читать электронные копии древних документов. В общем, она делала всё, что в её мире считалось блажью.

Вот и сейчас, работая над общей проблемой, она подошла к ней совсем с другой стороны. Она предположила, что проблема таится в прошлом. Где-то случилось событие, которое раскручивая ситуацию, как снежный ком, в течение столетий, привело к тому, что происходит сейчас. До какого-то момента всё развивалось правильно, а потом некое неправильное событие вызвало эффект домино: одно событие повлияло на другое, другое на третье, и постепенно посыпалась вся ось мироздания. Институт Хронокоррекции, собственно, и был создан для того, чтобы находить мелкие за-

вихрения и возвращать их к нормальному течению. Но именно Алисе пришла в голову мысль, что сегодняшняя надвигающаяся катастрофа имеет свои корни где-то в прошлом. Она несколько месяцев делала настройки для КАЙРОСа — главного аналитического ИскИна Института. И вот сегодня планировала завершить анализ осколков прошлого.

Ожидая окончания расчетов ИскИна, она отдала последние распоряжения:

— Кайрос, проанализируй корреляцию между индексом эмпатии и фертильностью. Не по статистической выборке, а по вектору исторической энтропии.

Система развернула сложную голографическую трехмерную модель.

— Найдена критическая аномалия. 1498 год, август.

Алиса внимательно разглядывала голограмму. В воздухе возникла трехмерная карта средневековой Европы. Из одной точки где-то волнами, а где-то просто алыми трещинами, по ней расползались устрашающие линии. Перед ней возник образ немолодой испанской женщины в короне.

— В августе 1498 года в Испании резко меняется психоэмоциональный профиль Изабеллы Кастильской. Она внезапно становится слишком жестокой, усиливается религиозный фанатизм, Инквизиция получает совершенно неограниченную власть. На кострах гибнут тысячи невинных, количество казней вырастает в десять раз.

Красные трещины побежали дальше. Португалия, Фран-

ция, Италия, Священная Римская Империя

— Это влияние распространяется на всю Европу. В это же время Русь отказывается от общения с внешним миром, становится изолированной на несколько веков. Это приводит к тому, что с течением времени вся Европа становится более жесткой. Формируется цивилизационная модель, основанная на страхе, подавлении личности и тотальном эмоциональном контроле. В дальнейшем произошла деградация эмпатии и эмоционального спектра, человечество стало слишком рациональным и окончательно ушло на путь техногенного развития в ущерб духовному.

— Что могло вызвать такой мощный срыв? Что привело к срыву Изабеллы в жестокость?

— С октября 1497 года монархиня перенесла целую серию психоэмоциональных травм: в течение двух дней она потеряла наследника престола инфанта Хуана — в воздухе повис портрет юноши в расшитом золотом кастильском костюме. — И в эти же дни был жестоко убит ее кузен Альваро де Мендоса вместе с женой и всей свитой. — возникла картинка мрачного окровавленного ущелья, усыпанного телами. — Она была крестной матерью их союза.

Алиса нахмурилась.

— И этого оказалось достаточно, чтобы погрузить в пучину хаоса всю Европу?

— Нет.

В воздухе возник образ совсем юной белокурой девушки.

Синие серьезные глаза, казалось, смотрели в самую душу.

Алисе показалось, что ей стало трудно дышать. В груди что-то шевельнулось, и отдалось узнаванием и болью.

— Кто она?

— Каталина де Мендоса-и-Энрикес и Фернандес. Единственная наследница Альваро Мендоса. Крестница королевы Изабеллы.

Изображение дрогнуло, возникла проекция огромного костра.

— 20 августа 1498 года Каталина была сожжена на костре Инквизиции по обвинению в ереси и ведовстве. Королева не была уведомлена о судьбе девушки. Она узнала о ней лишь спустя два дня.

Алиса медленно опустилась в кресло. Внезапно её стало нестерпимо больно за судьбу неизвестного человека.

— Что произошло потом?

Голограмма Европы вспыхнула кроваво-красным.

— После смерти Каталины де Мендоса начинается необратимая деградация эмпатии человеческой цивилизации.

— Это как так получилось, что одной смерти оказалось достаточно, чтобы изменить ход Истории? Люди гибли постоянно. Но почему именно эта девушка?

Голограмма мигнула, и красные трещины устремились на восток, в средневековую Русь. Возник портрет статного русоволосого воина в русской одежде.

— Обнаружена связанная аномалия. По всем расчетам и

вариантам моделей, этот человек Василий Кузьмин должен был забрать Каталину на Русь, и их потомки должны были стать основателями масштабного гуманистического направления сначала на Руси, а потом и по всему миру. Это движение не просто не дало бы человечеству упасть в пучину бездуховного развития, а дало бы с течением времени мощный импульс для изменения направления развития человечества. Как и предсказывали пророки, именно с территории России должно было состояться возрождение человечества, как высокодуховного общества. Войны и болезни были бы также побеждены, как и сейчас, но при этом была бы сохранена природа планеты как таковая и сама природа души человека.

— Как он был связан с Каталиной?

На несколько секунд система замолчала.

А затем ответила:

— Вероятность эмоциональной конвергенции — 99,97%.

Алиса замерла.

Такие показатели совместимости система обычно выдавала только для официально подобранных пар её времени.

Но люди XV века не пользовались алгоритмами. Они вообще не должны были быть настолько совместимы.

— Продолжай анализ, — медленно произнесла она.

ИскИн начал выстраивать сложную модель, похожую на огромное дерево — древо судеб. Из корней, то есть из глубины веков, тянулась пустая, заполненная чернотой ветвь, по-

степенно разрастаясь на кроне, и крона-будущее стояла почерневшая и пустая. После смерти Каталины линия будущего словно темнела. Год за годом. Столетие за столетием.

Мир становился безопаснее. Рациональнее. Спокойнее. И абсолютно пустым внутри.

Алиса долго смотрела на модель мира, у которого нет будущего. Мира, в котором ей всегда не хватало воздуха, и который обречен. Внезапно ей в голову пришла мысль. Не четкая, но зудящая. Обычно такие зудящие мысли всегда приносили плоды.

— Кайрос, помнишь, полгода назад, ты мне показывал архивный мусор, который не ложился ни в какие модели и концепции? Ищи осколки ошибок в архивах. Всё, что раньше считалось мусором, анализируй сейчас, с учетом новых данных.

Через несколько минут перед Алисой возник кусок древнего пергамента. Это было письмо. На древнем русском языке аккуратным почерком было выведено:

«Я верю, что эти строки дойдут до тебя, через века. Знай, ты не чужая для нас, ты подарила нам будущее, которого мы могли лишиться. Ты самая добрая и яркая звезда, что когда-либо озаряла наш путь. Я верю, что ты вернулась в тот мир, о котором мечтала. Я же хочу, чтобы ты знала: я верю, что ты стала счастливой».

Алиса перечитала несколько раз. И с каждым разом её уверенность крепла. Существующая реальность может и

должна быть изменена. И судя по этому осколку, в одной из вероятностей она уже сделала это, а значит, ей нужно вернуться на тысячу лет.

— Кайрос, детальный просчет модели мира на сегодняшний день в случае, если Каталина останется жить.

В этот раз ждать пришлось долго. Система просчитывала миллиарды вероятностей. Триллиарды судеб за тысячу лет. Где-то через час перед взором Алисы возникла зеленая планета вместо сегодняшней, затянутой в пластик и бетон. Зеленые города, гармонично вписанные в естественные ландшафты Земли, счастливые смеющиеся люди, множество играющих детей, по зеленым паркам гуляют благообразные пожилые люди

— Исправление одной тотальной ошибки, вернет человечество в естественную реку времени. К сегодняшнему дню не будет надвигающейся катастрофы, вероятность выживаемости человечества как вида — 98,785%. Фертильность 98%. Средний возраст смерти отдельных индивидуумов — 158 лет.

— Подключайся к ОКУ ХРОНОСА и готовь подробный протокол темпорального переноса для утверждения на Совете, я готова отправиться для этой миссии.

— Для предварительного анализа и просчета вероятностей такой миссии через ОКО мне потребуется три часа.

Алиса задумалась.

ОКО ХРОНОСА — уже не новое, но по-прежнему со-

вершенно уникальное изобретение. Оно внедрено прямо в ткань времени, фокусируется на заданной личности или территории и даёт возможность детально просматривать прошлое на небольшой локации в течение ограниченного промежутка. ОКО ХРОНОСА позволяло наблюдать прошлое так, словно время не замечало собственных изменений. Именно благодаря ему Институт умел исправлять ошибки Истории.

Через три часа, когда тишина уже начала давить, КАЙРОС снова заговорил:

— За три часа многое не успеть, но главное, я обнаружил, — произнёс КАЙРОС. — Каталина Фернандес де Мендоса, несмотря на свои восемнадцать лет, уже успела стать для многих символом добра. Она лечила крестьян и слуг травами, не требуя платы. Многие называли её святой, кто-то даже молился за неё втайне. Причина её гибели не колдовство, а наследство. Её земли были обширны, а доходы велики. В июне 1498 года в инквизицию Сеговии поступил донос: Каталину обвинили в ереси и связи с дьяволом. Нашлись свидетели, показания были составлены чётко — слишком чётко для правды. Главный инквизитор Томас де Торквемада был напрямую заинтересован в её землях. Его влияние на процесс не подлежит сомнению, приговор был вынесен с невероятной скоростью: виновна. Земли графини отошли церкви, а пятая часть дальнему родственнику по отцовской линии. Судя по всему, именно он и стал инициатором доноса.

Жадность, прикрытая благочестием И цепная реакция по разрушению человечества была запущена.

Судя по первоначальному анализу, необходимо не просто спасти Каталину, но и наказать того, кто явился инициатором доноса на неё. Именно его аномальная алчность и смогла повернуть эту аферу.

Также необходимо снизить влияние Томаса Торквемады. Ему недолго осталось. Но именно его фанатизм без капли эмпатии к своим жертвам, заложил основу для той жестокости Инквизиции, что захватила полмира.

Ну и последняя задача — вернуть возможность Василию увезти девушку на Русь. Последняя, но не самая простая, с учетом всех вводных.

— Готовь все последние разработки, готовь нейрочип и нанитов. И оформляй всё для представления Совету.

— Решение верное, Алиса, я готовил тебя к этому шагу последние пять лет, ты единственная в современном мире, кто справится с поставленной задачей. Моя подготовка займёт две недели. Жду тебя 4 июня. Протокол Миссии будет просчитан на 98%. Они не смогут отказать.

А через две недели, 4 июня на заседании Совета, её сухо поблагодарили за нахождение аномалии, и отказали в её участии в Миссии.

Сказать, что Алиса расстроилась, ничего не сказать. Она вышла из здания Совета, села в свой клиппер, и унеслась в единственное место, где могла не видеть всех этих не то лю-

дей, не то роботов. Порой ей казалось, что Кайрос обладает большим эмоциональным интеллектом, чем люди, её окружающие.

Прошел месяц. 4 июля 2496 года. Зал заседания Совета.

За столом все также сидели мужчины и женщины почти в том же составе, только на месте Главы сидела Изабелла Иванич, спокойная, как и все вокруг, 38-летняя женщина.

— Алиса Ветрова, мы вызвали вас на Совет снова, потому что решили утвердить вашу кандидатуру для участия в Миссии, разработанной вами.

— Очень интересно, что же изменилось? Месяц назад Святослав Буркаев был категорически против моего назначения. — Алиса не смогла удержаться от подначки, не принятой в обществе. Месяц назад ей отказали в том, на что она положила всю себя, называли «сбоем», а вот сейчас она оказалась единственной и последней надеждой человечества.

— Святослав Игоревич почил. А все бойцы Хронокоррекции, отправленные нами в пятнадцатый век, не смогли пройти через темпоральный шторм, бушующий там. По анализам и просчетам, их эмоциональный фон оказался слишком низким, чтобы войти в резонанс с фоном эпохи, их просто разорвало во время перемещения. — спокойно констатировала новая Глава Совета. — КАЙРОС настаивает на вашей кандидатуре, по его данным, именно вы сможете и добратся до точки назначения и исполнить Миссию. Единственное,

шанс на возвращение у вас не более 37%. То есть, система сможет вас забрать оттуда, но нет вероятности, что донесет до нашего времени. — Бесцветно сообщила Иванич. — Если вы понимаете риски и готовы положить свою жизнь на алтарь выживаемости человечества, то прямо сейчас можете проследовать в медицинский блок. Там всё готово для вас. КАЙРОС проведет последний инструктаж.

Алиса развернулась и устремилась прочь из Зала Совета. Она ликовала. Они согласились. Они, в своем холодном, расчетливом высокомерии, признали, что «нестандартный подход» Алисы — это всё, что осталось у умирающего человечества.

Тот же день. Медицинский блок Института Хронокоррекции.

Войдя в медицинский отсек, она снова услышала знакомый голос КАЙРОСа.

— Алиса, Совет утвердил протокол. Но они не сказали тебе главного.

Алиса остановилась перед дверью в операционный шлюз.

— Чего они не сказали?

— Тот самый «темпоральный шторм», который уничтожил бойцов Хронокоррекции, — это не случайное погодное явление в ткани времени. Эпоха не приняла их. Они оказались для неё слишком пустыми. Но ты ты — резонанс. Ты станешь частью той жизни.

— Забудь о статистике, КАЙРОС, — сказала она, садясь

в кресло и чувствуя, как фиксаторы мягко охватывают её запястья. — Просчитай мне не вероятность выживания, а вероятность того, что я справлюсь.

— Вероятность — 42%. Но с учетом твоей «аномальной» мотивации я повышаю её до 60%. Алиса, если ты готова, закрой глаза. Мы начинаем интеграцию. Вводим наниты «Хронос-9». Это не просто инъекция, Алиса, это твой страховой полис. Применяются только для хронопутешественников.

Алиса почувствовала резкий холод, разливающийся по венам.

— Когда ты очнешься, ты будешь не совсем одна, — продолжал ИскИн. — В твоей височной доле будет внедрён — мой «младший брат», портативный нейрочип. У него будут все мои знания на момент твоего старта. Мы не сможем болтать через века в реальном времени, но он будет анализировать каждый твой шаг через ОКО ХРОНОСА. Вернешься — синхронизируем данные и проанализируем, что тебе удалось изменить. Если в том другом мире будет что-то, похожее на меня.

— А если меня там ну, встретят не с цветами? — Алиса попыталась улыбнуться, хотя пальцы подрагивали.

— По сути, я мог бы дать тебе подробный инструктаж твоих возможностей с нанитами, но, я уверен, ты и так этот вопрос изучила. — Алиса кивнула. — Поэтому не теряем времени. Если забудешь о каких-то возможностях, нейрочип подскажет.

Когда она очнулась после интеграции, КАЙРОС сообщил:

— Анализ завершён. Твой личный код совпадает с частотой разрыва. Ты и есть тот тупик, в который уперлось время. Шансы? Скажем так: если не вытащишь ее до августа, можешь не возвращаться — возвращаться будет не за чем и некуда. Наниты полностью интегрированы и заряжены на 100%. Твоё тело стабильно, адаптация — 98,7%. Сердцебиение в норме, реакция — выше среднего. Ты готова, Алиса. Передаю последние инструкции. Время высадки: 5:00 утра, 20 июля 1498 года. Место: Кастилия, город Сеговия. Точка — небольшая роща к северу от монастыря Святого Стефана. Ты появишься в темноте, до восхода. Никто не заметит. Каталину арестовали 6 июля. К моменту твоего прибытия она уже ровно две недели в заключении. Сидит в камере в Алькасаре. Хлеб и вода. Два вопроса — пока только давление, без пыток. Она не признаёт вину. Держится. У тебя есть ровно 14 дней до начала пыток — 3 августа. После них шансов на спасение почти нет. Даже если выживет — разум и тело будут сломлены. Твоя миссия будет провалена. Человечество не обретёт шанса. В Сеговии уже находится Василий — русский боярин купец переводчик, прибывший с посольством. Он говорит на многих языках, включая кастильский. Профессиональный толмач Московского государя. Завтра у его посольства аудиенция у Изабеллы. Сегодня вечером он выйдет в город — это твой шанс установить контакт. Он может стать ключом к доступу ко двору.

Твое возвращение запланировано на 1 сентября, 16:00. Точка возврата — автоматически зафиксировается в момент активации. Где бы ты ни находилась — временной канал откроется там. Помни: ты — последнее звено. И, возможно, первое, что изменит всё. Вопросов нет? Все понятно?

— Подожди! А почему я перемещаюсь именно в 20 июля? Почему не раньше? За две недели ареста девочка истощена, оголодала, промёрзла

— Успокойся, — голос ИскИна оставался ровным. — Хронопоток нестабилен. Сейчас в 1498 году бушует «темпоральный шторм». Если я отправлю тебя раньше 20 июля, тебя разбросает на атомы или выкинет на десять лет позже. 20 июля — первая точка относительного штиля, когда ОКО ХРОНОСА может сфокусировать луч переноса на Сеговии без риска ошибки в координатах. К тому же, именно 19 июля в город прибывает московская миссия. Ты должна появиться там одновременно с ними, чтобы твоё появление выглядело естественным для истории. Ты — часть большой политической игры, даже если сама этого ещё не осознаёшь.

— Ясно. Жаль, конечно, что нельзя спасти её раньше, но главное — это сделать в принципе.

— Помни, её обязательно нужно освободить до начала допросов с применением пыток. Это не просто срок. Это точка невозврата. После неё нет спасения, ни для неё, ни для цепи, ни для тебя. Но ты справишься. Ты не просто путешественник во времени. Ты — тот самый системный сбой, который

наконец-то заставит эту поломанную историю работать правильно. Остальные инструкции твой нейрочип обсудит с тобой уже на месте, сразу после подключения к ОКУ ХРОНОСА. Готова?

— Готова, — прошептала Алиса. В голосе не осталось ни тени сомнения, только холодный расчет исследователя, выходящего на полевой этап.

— Иницирую запуск Миссии: Пять. Четыре. Три. Два. Один. – Тело Алисы подернулось дымкой, а потом растворилось, – и Москва для нее исчезла.

Глава 1

Глава 1.

3 октября 1478 года. Поздний вечер. Кастилия. В 4 легах* к северу от Сеговии — поместье Гасиенда Риофрио .

Королевская дорога Camino Real¹ постепенно сужалась до узкой тропы, огибая отвесные скалы, нависающие над ней, входя в узкую расщелину. Слева от дороги разверзся каньон, на глубине которого бурлила Рио-Эресма², словно кипящий котёл, разбиваясь о скалы и вспениваясь на порогах. Справа – крутой склон, покрытый диким терновником и корнями дубов, как когтями, впившимися в плоть земли. Граф дон Альваро де Мендóса-и-Энрикес ехал в карете вместе со своим стариком-писарем. Он возвращался домой из Севильи, куда ездил на аудиенцию к своей троюродной сестре милостью Божьей королеве Кастилии и Леона Изабелле I. Поездка удалась, он вез с собой документы о вступлении в наследство после смерти родителей и 500 дукатов золотом. Королева благоволила своему дальнему родственнику, и он очень рассчитывал, что так будет и дальше. Ему припомнилось, как в детстве они часто вместе играли, и в память о детской дружбе, о веселых шалостях, в тоне королевы слышалась теплота. Дона Альваро очень грела эта теплота, когда он вспоминал

скромную, ненавидящую пышность, но фанатично соблюдающую этикет монаршую особу.

Удалось отлично закупиться семенами и вином. Он также вез ткани из Севильи — алый бархат, золотое кружево, шёлк. После двух месяцев отсутствия, он наконец возвращался домой, суета при дворе, хлопоты при закупках — все осталось в прошлом.

— Диего, слышал о булле³, которую Изабелла добила у папы Сикста, подпишут на днях? Как думаешь, Святая Инквизиция быстро поможет навести порядок?

— Как знать, дон Альваро, судя по настроениям, что ходят по всей Кастилии, люди ждут, что морисков подвинут, освободятся многие места, много постов передадут в руки истинным католикам. Торговать станет легче, марранов вытеснят.

— Да, я тоже слышал. Изабелла Католичка выжжет всю грязь и ересь, души очистятся, истинная вера восторжествует, разбойников-морисков изведут, и люди смогут спокойно ездить по дорогам.

На ущелье вместе с вечерними сумерками все гуще опускался туман. С каждым шагом, с каждым скрипом кареты, он становился все плотнее, он стелился по дну ущелья, обвивая стволы дубов, облизывая камни, будто земля выдыхала страх. Воздух был тяжёлым — от влаги, от запаха прелого листа, от странного нехорошего предчувствия. Скрип осей, фырканье мулов, приглушённые голоса охранников — всё

тонуло в серой пелене.

Альваро поежился, прогоняя наваждение, инстинктивно нащупал эфес толедского меча, выглянул в окно кареты и осмотрелся. Его небольшой караван из кареты и трех повозок охраняли шесть идалго, в кольчугах до бедра, шлемах-морионах с носовыми бляхами, алебардами на плече. Все закалённые воины Реконкисты⁴, прошедшие бои у Лос-Алькорниса и осаду Гранады. Лица усталые, руки в мозолях. Один крестится. Другой жуёт сушёный инжир. Третий шепчет молитву. Волноваться было не о чем. Но предчувствие не отступало.

Всю дорогу до Севильи, все время, проведенное при дворе и почти всю дорогу обратно домой, им улыбалась удача. Королевская дорога более-менее патрулировалась, бандолерос не рисковали тут хозяйничать. Реконкиста продолжалась, Гранада ещё держалась, но корона была близка к триумфу. А в Кастилии обстановка оставалась напряжённой: после недавних побед Изабеллы и Фердинанда многие бойцы мавров расползлись по северным лесам. Нападения на путников все еще были не редки.

Дон Альваро был опытным воином, он лично участвовал во многих боях. И потому он привык доверять интуиции, которая просто вопила о приближающейся опасности. Он нащупал на груди важные бумаги о наследстве, которые переложил туда, повинувшись предчувствию. Снова выглянул из кареты. Оглядел утопающие в тумане и сумерках скалы. При-

слушался. В тишине слышался только шум реки внизу ущелья, все тот же скрип колес телег и кареты, фыркание мулов и лошадей. Он знаком подозвал командира охраны.

— Не нравится мне это место. Повышенная готовность. Не расслабляться, пока не покинем ущелье.

Тот кивнул и знаком велел воинам быть готовыми к неожиданностям.

Но в тот же миг раздался свист, арбалетный болт вонзился в шею кучера. И тот рухнул на землю, заливая кровью карету и все вокруг из пробитой артерии. Мулы испуганно заржали, шарахнулись в сторону, и карета застряла, зацепившись колесом между крупных острых валунов. Еще свист, и возникшие повалились с повозок следом за кучером. Мулы испуганно заржали и понеслись куда-то вперед, никем не удерживаемые, унося за собой повозки.

Еще один болт прилетел в глаз охранника, того, что жевал инжир. Рука разжалась, инжир выпал на дорогу, а воин, не успев ничего понять, рухнул с коня, не издав ни звука.

— Бандиты! Мудехары⁵! — раздался крик одного из идальго.

— Занять оборону! — скомандовал командир.

Из кустов, словно тени, выскочили восемь бандолерос, окружая небольшой караван. На них на всех шаровары, заправленные в сапоги из сыромятки, на головах шарфы, накрученные как тюрбаны. У одних в руках арбалеты, у других кривые кинжалы. У самого крупного, явно главаря, за

спиной грязный, в пятнах крови плащ-алборнос, а через все лицо проходит большой уродливый шрам. Еще двое арбалетчиков держатся немного сзади. Худые, грязные, спутанные бороды, глаза дикие. Даже до кареты доносился их запах — перепревшего пота, перегара и чеснока. Впереди самые крепкие, как быки. На руках у них остатки цепей от галер, лица в страшных шрамах, с кривыми мечами наперевес. У одного — вместо меча огромный топор.

— В живых никого не оставлять! Обыскать всё! — проорал главарь.

Дон Альваро выскочил из кареты и бросился на ближайшего бандита, пронзая его насквозь с первого удара. Слева послышался свист, и рядом упал еще один охранник, пронзенный арбалетным выстрелом. Остальные идальго, не спускаясь с коней, кинулись в бой, выбирая себе по бандиту. Один успел перерубить голову бандиту с топором, но следом упал, сраженный арбалетчиком. Бандит с дубиной, явно обладал невиданной силой. Он успел одним ударом переломить бедро одному из всадников. Стащил его, и завершил дело мощным ударом по голове. Послышался хруст ломаемой кости, и несчастный, не издав ни звука более, успокоился в луже собственной крови. Альваро бросился на бандита справа и перерезал ему горло. Торжествуя, обернулся к следующему, но еще один напал сзади с дубиной. Удар пришелся по левому плечу. Боль была острая, как ледяной нож, левая рука безвольно повисла. Альваро развернулся и ме-

чом в правой руке вспорол тому бедро. Бандит упал и закрычал, как раненый волк, кровь из артерии хлестала фонтаном, быстро унося жизнь наемника.

«Готов» — мысленно отметил граф.

Тут же еще один, тот громила с дубиной-гарроте, нанес ему удар в бок. Альваро согнулся, и клинок выскользнул из рук. Он упал на одно колено. Как лев, раненый, но не сломленный. Граф выхватил из голенища сапога кинжал и кинул. Точно. В горло. И бандит упал, хрипя и захлебываясь кровью.

Один из охранников ударил главаря в лицо. Шрам лопнул. Кровь потекла по щеке, заливая глаза. Но тот лишь безумно рассмеялся, бросил арбалет, схватил дубину и ударил противника прямо в висок. Охранник рухнул, как сломанное дерево.

Старик писец попытался укрыться под каретой. Брошенный бандитом кинжал вонзился в спину как в масло. Старик тут же затих.

Лошади и мулы потеряли рассудок. Оставшись без седоков, не запряжённые кони вихрем умчались в туман. Мулы, впряжённые в карету, ревели от ужаса. Карета замерла в ловушке: колёса застряли между валунов, и она угрожающе накренилась над пропастью.

Альваро уже понимал, что силы неравные, но решил продать свою жизнь как можно дороже. Из последних сил он поднял свой меч, и кинулся на главаря. Достать его не успел,

один из бандитов вонзил кинжал ему в бок. Кровь, уже своя, залила кожаные доспехи и камзол под ними. Угасающим сознанием он слышал затихающую битву. Боли уже как будто и нет... Почувствовал, что кто-то отпихнул его в канаву у дороги. Вонючая морда в чалме склонилась над ним.

— Этот тоже готов! — прокричал бандит.

— Обыскать всё! Берем самое ценное и уходим!

На краю сознания Альваро слышит разговор оставшихся в живых бандитов: «Дон Педро будет доволен!»

«Вот и всё! — пронеслось в его сознании — не успела святая Инквизиция навести порядок» .... — И мир вокруг погрузился во тьму.

* **Кастильская лега**: 5000 вар = 4.2–5.2 км

¹ **Camino Real** ("Королевская дорога") — сеть главных дорог Кастилии/Испании 15–18 вв., построенных/поддержанных королями (Изабелла I, Карл V) для почты, торговли, войск. Не одна дорога, а система (аналог римских виа), с постоянными дворами (posadas), мостами, охраной. Ширина 4–8 м, мощёные камнем в ключевых местах

² **Рио-Эресма** — река в провинции Сеговия (Кастилия-Леон, Испания), длина **129 км, протекает через Сеговию, впадает в Дуэро (у Вальядолида). Ширина 10–40 м, глубина 1–5 м, бурная в горах Гуадалрама (высота 1000–2000 м). Окружена ущельями (cañones), лесами, идеальна для засад

³ **Папская булла** (официальный декрет) папы Сикста IV (Francesco della Rovere, понтификат 1471–1484), датированная 1 ноября 1478. Разрешила королям Изабелле I Кастильской и Фердинанду II Арагонскому учредить испанскую инквизицию в Кастилии для борьбы с "ересью" (марранами — новообращёнными евреями, морисками)

⁴ **Реконкиста** (исп. *Reconquista*, "отвоёвывание") — 781-летняя война христианских королевств Пиренейского полуострова (718–1492) против мусульман (арабо-берберских эмиратов/халифатов), начавшаяся после битвы при Ковадонге (718) и завершившаяся падением Гранады (2 января 1492) под ударами Изабеллы I Кастильской и Фердинанда II Арагонского

⁵ **Мудехары** (исп. mudéjares, от араб. — "подданные") — мусульмане, оставшиеся жить на завоёванных христианами территориях Пиренейского полуострова после Реконксты (с XI в.) Многие мудехары/ранние мориски становились бандолерос (bandoleros) — бандами в горах (Гуадалрама, Эстремадура) после войн/налогов. В 1478 (перед буллой инквизиции) — изгнанные/бедные мусульмане грабили тракты как Camino Real.

Глава 2

3 октября лета 6987 от Сотворения мира (1479* года от Рождества Христова) Поздний вечер. Детинец¹ Великого Новгорода.

— Слушай, боярин новгородский, сказку добрую про мальчика, что стал опорой Русиматушки. В нашем любимом граде Новгороде, за стенами Детинца, жилбыл мальчонка, звали его Волхов, был он сыночком боярина Ермолая. Румяный, крепкий, всегото шести годков от роду. Любил он с ребятами в игры играть, в лапту, да в битвы, на коне своем деревянном скакать, да мечом своим деревянным махать, лопухи срубать, представляя, как головы врагам рубит.

А жил он в непростое время. Земель русских много, а каждое княжество само по себе. Вот вроде и каждому сызмальства понятно, что вместе любую беду пережить легче, а как будто не видят князья. А врагов у русского племени много: и Литва, и Орда И решил Московский князь все земли вместе собрать, чтобы вместе были, и в случае угрозы, как единый кулак беду встречали. Да то Новгород спорит, то Псков, то Рязань. Вот и у батюшки Волхова за Русь нашу. В самых больших мечтах видел он землю нашу единой, чтобы все княжества вместе, как одна семья. И вот однажды позвал он сына к себе и говорит:

— Поедешь, сынок, в Москву, к князю Великому Ивану Васильевичу. Там научишься грамоте мудрой, силе богатырской да тому, как землю нашу собрать. Дорога предстоит тебе нелёгкая: три недели по тракту, где и грязь, и разбойники, и холод лютый. Но доберешься до Москвы, выучишься и вернёшься ты оттуда не мальчиком, а послем великим, что поможет Руси стать единой.

Заплакал Волхов:

— Батюшка, страшно мне!

А матушка ласково обняла, дала ему с собой Псалтырь, сапун², оберег на шею повесила, да горшочек мёда дала, и шепнула на ушко:

— Терпи, родненький. Помни: Русь³ едина от Волхова³ до Москвы. И куда бы ты ни пошёл, земля русская перед тобой.

Отправился Волхов в путь с телегами государевых ратников. В ямах⁴ ел горячую кашу, в чистых ручьях сапуном умывался. Порой волки выли в ночи, но амулет, что матушка дала, берег его от всякой беды.

Доехал Волхов до Москвы. Встретил его князь Иван с улыбкой:

— Учись, новгородец! Учись всему, и грамоте, и латыни, и меч держать. Всё пригодится, чтобы Русь поднимать.

Долго учился Волхов и вырос в могучего богатыря. Каждое лето приезжал домой в отпуск, радовал отца вестями:

— Русь крепнет, батюшка!

А когда исполнилось ему двадцать шесть лет, стал он послом в далёкие страны. Соединил он Новгород с Москвой, и стала Русь единой, сильной, счастливой.

Так и ты, боярин, не бойся пути дальнего. В Москве ты не заложник, а будущий защитник Руси. Учись с усердием, помни дом родной, и станешь опорой для всей земли русской. Спи спокойно, юный Волхов. Русь с тобой, и сила её в твоём сердце.

Анастасия поцеловала заснувшего сына, с любовью поправила одеялко, горько подумав: «Вдруг в последний раз!» — и чтобы не разбудить мальчика слезами, покинула горницу.

— Уснул? — муж стоял под дверью.

— Уснул, горемычный — Анастасия не выдержала и расплакалась на груди у Ермолая.

— Ну, полно, полно! — он погладил ее по спине. — Не на смерть ведь отправляем, на учебу к Государю. Ну, Настасьюшка, милая, возьми себя в руки, горлица моя. Васятка наш крепкий, здоровый, умный парень, в обиду себя не даст.

— А в дороге? Далеко ведь как ехать!

— Под охраной он будет, объяснял ведь уже не раз. Государевы ратники обоз с чадами стерегут, в обиду не дадут. Да и Степан с Митрием рядом будут. Степан еще при мне дядькой был, а к Митрию я давно присматриваюсь, смышленный малец, другом Васятке станет верным.

— Ох, тяжело как! Как подумаю, что завтра уедет он от нас

так надолго, пусто в душе становится!

— Ну, что ты, милая! Я по весне Патрикееву отпишу, позволят нам навестить его, сами в Москву поедем, своими глазами увидишь, как он устроится.

— А вдруг не позволят? — глаза матери снова наполнились слезами.

— О том я уже спрашивал Ивана Юрьевича, он прямо сказал, что таким, как мы, патриотам государевым больше дозволено. Разрешит он нам свидеться. Все, горлица моя, хватит слезы лить. Слеза в дороге горчит! Не вздумай завтра сыну слезу показать! Пусть со светлой головой путь держит. Пойдем лучше проверишь, все ли в дорогу сложила?

— Всё уже не на раз проверила: и травки упаковала, и сапуны, и одежку разную, чтобы до весны хватило. Псалтирь положила, да свистульку его любимую. Завтра с утра крестик намоленный, да волчий клык наденем на шею, чтобы всякое зло стороной обходило нашего мальчика.

— Ну вот и славно. Ступай почивать, завтра рано вставать, дел с утраца будет много.

Ермолай проводил жену взглядом и замер у окна, погружённый в собственные воспоминания, глядя на засыпающий Новгород. Под окном раскинулся двор, в котором заканчивались приготовления к завтрашнему путешествию, у ограды стояли телеги, на которые было сложено уже почти всё, что планировалось отправить вместе с детьми. Слуги неспешно гасили факелы, и дым медленно стелился по земле, раство-

рятся в прохладе ночи.

Ермолай невольно засмотрелся на вид ночного Новгорода. Стены Детинца, сложенные из красного кирпича, подернулись тонкой шубой инея. Владимирская башня вырисовывалась тёмной аркой на фоне угасающего неба. Вдали мерцали зеленые купола Софийского собора, а его золотые кресты отражали лунный свет на фоне тёмного неба. Река Волхов, окутанная туманом, дышала прохладой. У пристани раздавались пронзительные крики чаек, нарушавшие тишину засыпающего города. За рекой раскинулся Торг. В избах поблескивали огни свечей. На горизонте виднелись крыши посадов, а вдали поблёскивали воды Ильмени⁵. На противоположной стороне Волхова простиралась Торговая сторона. Там, среди рядов, горели огни факелов, а Великий мост тёмной линией тянулся над рекой. Над дворцом Ярослава поднимался дым, окутывая древние стены лёгкой сизой дымкой.

Боярин Ермолай Кузьмин, глядя на засыпающий город, вспоминал последние годы, когда лихорадило Великий Новгород. Еще при жизни его отца Михаила Кузьмина, в городе закончилось единство. Одни бояре, боясь за свои богатства, решили просить милости у Казимира, другие, в том числе и Михаил Николаевич, не представляли, как это — встать под латинянина католической веры. Простой люд и вовсе не понимал, за что борются богачи, и за что они должны лить свою кровь: за деньги бояр или за чужую веру. В итоге, когда подошла битва на Шелони⁶, несмотря на почти трехкрат-

ное превосходство в численности, Новгород проиграл битву. Коростынский мир⁷ был подписан на условиях Москвы. И еще семь лет вече бурлило, как адский котел, порой даже до мордобоя доходило. Борецкие продолжали заискивать перед Литвой, даже пытались подписать с ними мир, будто не понимали, к чему это приведет: Русь распадется на части, а возможно, и перестанет быть Русью.

А потом в январе прошлого года войска князя Патрикеева вошли в город тихо, но неотвратимо. В феврале увезли вечевою колокол. И смолкло многоголосое вече.

Ермолай помнил, как в цепях уводили Волоховичей, как у Торговой стороны гасили бунты железной рукой. Было горько, было больно, но необходимо.

Теперь в Новгороде тишина. На стенах дежурят московские ратники. И в этой тишине, в ровном шаге дозорных, в спокойном свете фонарей боярин чуял не конец, а начало. Начало той самой единой Руси, о которой он мечтал.

Да, цена перемен оказалась высока. Но иного пути не было. И Ермолай, вздохнув, твёрдо сказал себе: «Так надо».

Вот и он отправляет своего первенца Василия, шестилетнего малыша в Москву, как залог своей преданности Государю. Хоть и болит сердце за единственного пока сына, но без этого не получится доказать свою преданность. А сын выучится у лучших учителей. Выучит грамоту, языки Освоит меч. В люди выйдет. А когда вырастет, будет умный и образованный, торговать научится, переговоры вести, может, у

великого князя хороший чин получит.

Ермолай еще раз бросил взгляд в окно и отправился к жене.

* Здесь и далее учитываем, что на Руси до реформы Петра 1, Новый год начинался 1 сентября, поэтому до января год на Руси и в Кастилии отличается. В январе выравнивается, а в сентябре снова расходится.

¹**Детинец** (от древнерусского "дѣтинець" — укрепленный центр города) — это **внутренний кремль** (цитадель) древнерусских городов, окруженный стенами и рвом для обороны. В Новгороде — **Новгородский детинец** (Новгородский кремль), сердце города с княжескими палатами, соборами и боярскими дворами

²**Сапун** (др.-рус. "сапунь", от тюрк. *sabun*) — самодельное мыло Новгорода/Руси XIV–XVI вв. Зольный/луговой сапун: щелочь (зола дерева/берёзы) + жир животный (говяжий/бараний/рыбий). Твёрдый кусок (50–100 г), серо-зелёный, пахнет дымом/жиром. Использовался для стирки/мытья тела/волос.

³**Волхов** — река в Новгородской области (северо-запад России), протекает 224 км от озера Ильмень (возле Великого Новгорода) до Ладожского озера. Ширина 40–200 м, глубина 1–8 м, судоходна. Замерзает ноябрь–апрель. Артерия Новгорода: Главный путь торговли (мех, соль, рыба) с Москвой/Ганзой. Волхов соединял Детинец Новгорода с Ла-

догой/Балтикой

⁴**Яма** (тюрк. *jam* — станция) — почтовая/ямская станция Руси XIII–XVIII вв., где меняли лошадей/возы, ночевали, ели. Учреждены монголами (XIII в.), реформированы Иваном III с 1471–1480 (после Новгорода 1478). Расстояние: 25–40 км (дневной пробег). На тракте Новгород–Москва ~15–20 ям.

⁵**Ильмень** (озеро Ильмень, Ilmen Lake) — пресное озеро в Новгородской области (северо-запад России), площадь 980–2000 км² (колеблется от уровня воды), длина 45 км, ширина 35 км, глубина 5–10 м (макс. 17 м). Окружен болотами/лесами, 50+ притоков (в т.ч. Мста, Порусья), сток — река Волхов в Ладожское озеро. Сердце Новгорода: Ильмень — ключ к торговле/обороне (мех, соль, рыба с Волхова/Ладоги). Великий Новгород на южном берегу, Детинец у Ильмени/Волхова

⁶**Битва на реке Шелонь** — решающее сражение Московско-новгородской войны 1471, где армия Ивана III (15–20 тыс.) разбила новгородское ополчение (до 40 тыс., вече-войско). Новгородцы сдались, Москва усилила контроль (налог, земли боярам вроде Ермолая Кузьмина)

⁷**Коростынский мир** (также Яжелбицкий мир, Яжелбицкое перемирие) — мирный договор 14 августа 1471 между Великим княжеством Московским (Иван III) и Новгородской республикой, подписанный у реки Корость (приток Ше-

лони, Псковская обл.). Завершил Московско-новгородскую войну 1471 после поражения новгородцев на Шелони (14 июля 1471)

Глава 3

4 октября 1478 года. За час до рассвета. Кастилия. В 4 легах к северу от Сеговии — деревня Навас-де-Риофριο .

Холодное утро октября ещё не развеяло туман над Эресмой. Молодая травница Изабель, дочь аптекаря из деревни Навас, встала ещё затемно. Она оделась по погоде: льняное платье под шерстяной капотой с капюшоном, на шее шарф, на ногах плетёные альпаргаты¹ из эспарто². В руках — корзина из лозы и ножницы для сбора трав.

Ей нужно собрать травы до восхода солнца, пока на земле роса и туман. С восходом солнца отец будет ждать её в лавке. С утра она обошла лес, собирая лекарственные травы — их сила максимальна в это время.

Она возвращалась привычной тропой — через узкое ущелье Рио-Эресма. Из рта вырывался пар от дыхания в осеннем тумане, а в плетеной корзине лежала ее сегодняшняя добыча – последние осенние травы: шалфей, ромашка, зверобой, чабрец, тысячелистник и кровохлёбка. Что-то она высушит впрок, что-то отец-аптекарь продаст уже сегодня. Изабель погрузилась в мысли о долгах аптекаря, и почти не замечала теней в кустах, пока не услышала сдавленный стон из канавы у дороги. Вода Рио-Эресма бурлила внизу, эхо сто-на отразилось от скал Серрании-де-Гуадалрама.

Она огляделась и с ужасом ахнула, увидев страшные последствия ночного побоища:

— Матерь Божья! — Вся дорога была залита кровью, лужи тёмно-коричневой крови пропитали пыль и камни, источая запах железа и смерти. На земле в неестественных позах, в огромных лужах потемневшей и не до конца впитавшейся в землю крови, лежали мертвецы.

Изабель насчитала шесть воинов в разорванных кольчугах и дублетах, кучера, залившего все вокруг себя кровью, трех возничих в разорванных дублетах, на разном расстоянии друг от друга, четверых бандолерос в шароварах и чалмах, недалеко лежал старик-писарь с кинжалом в спине: чёрная рукоять торчала между лопаток. У одного из покойников бандолерос горло перерезано — глубокая рана от уха до уха и видна белая трахея, у другого алебардой прорублен череп, мозг вытек из-под чалмы, еще один бандит проколот насквозь алебардой — из дыры в животе вывалились внутренности, четвертый истёк кровью из рассечённой бедренной артерии и лежит в луже размером с телегу. Один из воинов посинел, видимо его задушили цепями, судя по фиолетовым отметинам на шее, троих воинов в доспехах убили из арбалета — у одного арбалетный болт в виске, глаз вытек, и кровь запеклась, другому арбалетный болт пробил череп через глаз; у третьего и четвёртого — сквозные раны, еще двоим дубиной проломили головы... Вороньё каркало, слетевшись на пир. На дне ущелья, в двенадцати варах* ниже,

торчали обломки кареты — разбитые колёса, гербы Мендосов на обивке, мулы с переломанными шеями, впряжённые в обломки упряжи, у одного мула вывалились кишки — видимо, он поранил себя копытами...

Новый сдавленный стон вывел Изабель из оцепенения. Обернувшись, увидела еще одного. Чуть в стороне от дороги. Молодой дворянин в бархатном камзоле и кожаных доспехах, весь перепачканный кровью, лежал в грязи в канаве и изредка сдавленно стонал, от его дыхания выбивалось небольшое облачко пара.

— Боже милостивый! Живой! — она кинулась к выжившему.

Он лежал лицом вниз, в луже собственной крови, что медленно вытекала из раны в боку, и был без сознания. Изабель осторожно перевернула раненого на спину и стала внимательно осматривать. Тут же пригодились острые ножницы для трав — она аккуратно разрежала ткань одежды, и срезала завязки доспехов, чтобы можно было рассмотреть рану. Рана оказалась глубокой, но, судя по тому, что он все еще жив, жизненно важные органы не задеты, да и кровь была красной, а не черной, значит ни печень, ни селезенка не пострадали. Ощупала голову, тело — на голове оказалась большая шишка на затылке, при прикосновении к левому плечу, раненый отреагировал стоном. Но кости на первый взгляд казались целыми:

— Это хорошо, — отметила травница. В деревне ей не раз

приходилось помогать мальчишкам с переломанными руками и ногами, а иногда и взрослые приходили с какими-то травмами.

Она прислушалась к дыханию, потрогала пульс — он был слабый, но ровный, дыхание неглубокое, но тоже ровное. Это вдохновило ее еще больше.

Изабель сняла с пояса кожаный бурдюк — она всегда набирала его чистой родниковой водой перед выходом на сбор трав, потому что вода всегда пригодится — и утолит жажду, и промоет травы, чтобы не нести домой грязь.

Она ополоснула руки, отогнула подол и оторвала от нижней юбки полосу чистой ткани, смочила ее водой и начала протирать кожу вокруг раны. Края, на удивление, оказались не воспаленными. «Видимо, помогло то, что ночью было довольно прохладно» — подумала она. Полила чистой водой, смывая кровь и грязь с краев раны, и осталась довольна увиденным.

Затем, пододвинув к себе поближе корзину, достала из нее только что собранную кровохлёбку, ножницами измельчила бордовые соцветия, и помяла их пальцами, чтобы выдавить сок, накапала его на рану. Потом взяла всё растение целиком, добавила шалфей и быстро порезала в мелкую труху обе травы и тоже помяла, чтобы сока выделилось больше. Насыпала их на рану, оторвала еще небольшой клочок чистой ткани от нижней юбки, намочила родниковой водой и прикрыла рану с травами. Затем приподняла раненого, усадив

его, сняла с себя шарф и плотно обмотала вокруг торса, прижимая чистую повязку. После этого она натянула камзол со спины, чтобы он прикрыл всю конструкцию и задумалась.

Примерно через четверть часа кровь начнет останавливаться. Королевская дорога патрулируется, но патрули проходят далеко не каждый день. Оставлять здесь раненого никак нельзя, очень мало шансов, что кто-то еще его спасет. Да и нельзя быть уверенной, что разбойники не вернуться, чтобы закончить начатое. А значит, выход только один — нужно каким-то чудом дотащить его до своего дома и попытаться вылечить. Пешком до деревни ее путь составил бы минут двадцать. Но перед ней крупный мужчина, тренированный воин, который весит, наверно, раза в два больше самой Изабель, и путь домой может затянуться до обеда. Но другого выхода просто нет.

Пока она ждала, когда остановится кровь, она осторожно промыла его лицо, забрызганное запекшейся кровью и слегка подсохшей грязью из канавы. К счастью, кровь на лице была только чужая, у самого мужчины на лице красовались только пара синяков, что тоже было удивительным, учитывая, в каком побоище он побывал. Вода в бурдюке кончилась, и Изабель, оставив раненого, быстро спустилась по крутому склону к реке, чтобы возобновить запасы. Ловкая и быстрая, она скоро вернулась, и закончила промывать лицо мужчины. Невольно залюбовалась. Он был очень бледен от потери крови, но, безусловно, красив. Правильные черты

лица, прямой нос, острые скулы, густые брови вразлет и пушистые ресницы. Он был довольно молод, Изабель показалось, что он лет на 6-8 старше ее самой. Он точно не должен умереть здесь, в этой канаве.

Она поднялась на ноги и примерилась к своей будущей ноше. Немного подумав, хвостами шарфа, что остались свободны после перевязки, связала ему руки впереди, чтобы не болтались по земле, добавляя новые царапины, а потом между них водрузила свою корзину. Ну а что? Корзина новая, жалко оставлять, травы только собраны, да и пригодиться могут в пути. Путь предстоит долгий, возможно, придется делать еще перевязку.

Девушка нагнулась, подхватила мужчину под мышки и сделала с ним первые шаги. Маленькая, хрупкая, но привыкшая к тяжелому труду, она потихоньку потащила его волоком по дороге. Сразу поняла, что просто не будет. Но у нее и мысли не возникло, что можно поступить как-то иначе. Можно, конечно, было бы сбегать до деревни и позвать на помощь мужчин. Но она очень боялась, что друзья тех разбойников, что остались на дороге, вернутся и добьют ее пациента. Поэтому она решительно потащила его сама.

Правда, через пару десятков шагов, она поняла, что отвага штука хорошая, но приложение ума гораздо лучше!

Разогнувшись, она оглядела поле битвы. На том охраннике, что лежал с пробитым виском, был отличный кожаный плащ:

— Извини, друг, тебе он уже не понадобится, а мне сейчас очень нужен, — с этими словами она стащила крепкий толстый плащ с мертвеца и уложила его рядом со своим раненым.

Девушка расстелила свою добычу на дороге и подтащила его под мужчину, потом подтащила самого мужчину. Она упиралась коленками и руками, затаскивая раненого на этот плащ, и располагая его так, чтобы он оказался посередине — так тащить будет проще. Еще бы из чего-нибудь приделать ручку...

И тут она вспомнила про карету внизу — там есть вожжи! Но чтобы их снять нужен нож. У самой Изабель ничего, кроме ножниц для травы не было, а они вряд ли помогут перерезать упряжь. Девушка снова огляделась, но не нашла ни одного меча, видать бандиты унесли всё оружие с собой. Тогда ее взгляд упал на труп старика, из спины которого торчала рукоять кинжала. «То, что нужно» — вздохнула она, и вытащила острый клинок. Затем она шустро спустилась к реке, подобралась к останкам кареты, выбрала наиболее доступные для того, чтобы их срезать, длинные вожжи, и вернулась к плащу и мужчине на нем. Связав завязки плаща между собой над головой раненого, она прoderнула кожаный жгут в образовавшуюся петлю. Потом подумала: длина вожжей позволяет дополнительно зафиксировать пациента на этих волокушах, поэтому слегка приподняв его сбоку, она прoderнула вожжу под плащ и перекинула под спину между его ног.

Затем вернула край веревки и связала еще одну петлю, в которую впряглась сама, как в сани.

Попробовала сделать несколько шагов. Так дело пошло гораздо легче! Теперь появилась надежда, что она сможет преодолеть этот путь.

Вся возня с раненым, его перевязкой и поиском способа транспортировки заняло не меньше часа, и когда Изабель двинулась, небо уже посветлело, и показалось солнце.

Кожаный плащ хорошо скользил по влажной от росы дороге, самодельная упряжка упиралась в грудь, но дело медленно и неуклонно двигалось. А это не могло не радовать.

Очень быстро ей стало жарко, она скинула теплую капоту, накинув ее на корзину, и пошла уже в одном льняном платье. Она часто оглядывалась, не желая потерять корзину с травмами. Периодические стоны раненого подтверждали, что он все еще жив.

Примерно через полчаса Изабель выбилась из сил и решила остановиться. Она присела на пенек возле тропы и, с наслаждением открыв свой бурдюк, напилась. Отдышавшись немного, она проверила рану. Хвала Божьей матери, та больше не кровоточила! Затем она приподняла голову спасенного и осторожно капнула пару капель ему в рот. В дороге много поить она побоялась, но влага ему в любом случае нужна. Немного отдохнув, девушка впряглась снова и опять потащила свою поклажу.

Всего до деревни она делала три таких остановки. И рана

пациента все еще не заставила за себя переживать.

На исходе второго часа ее путешествия, показалась хижина аптекаря — на краю деревни. Отец, переживающий за дочь, уже ждал ее у околицы. Увидев выходящую из леса Изабель с тяжелой ношей, мужчина бросился ей на помощь. Заменяв дочь, он быстро добрался до своей хижины вместе с раненым. А девушка весь оставшийся путь сбивчиво рассказывала ему обо всем, что произошло.

— Ты ведь понимаешь, что он дворянин?

— И что, мне нужно было оставить его умирать?

— Конечно, ты все сделала правильно, дочь. Но я, ох, как боюсь, как бы это не навлекло на нас неприятности...

— Папа, мы ведь спасаем его. Когда очнется, сам решит, кто его будет долечивать. Но без нас он бы умер уже к обеду!

— Ладно, дочка, но тебе придется самой его выхаживать, я не могу бросить лавку, у нас и так слишком много долгов.

— Конечно, папа. Может быть, мое милосердие пойдет и нам на пользу: вот он очнется и отблагодарит нас. Ну а нет, так нет, я бы все равно не смогла поступить иначе.

* Кастильская вара — примерно 0,84 метра

¹Альпаргаты (alpargatas, от баск. *abarkata*) — лёгкая обувь из эспарто (esparto) — грубой травы/соломы, сплетённой в подошву, с тканевой/шерстяной верхней частью (лен/хлопок). Типичны для крестьян/разбойников Испании/Португалии 15–20 вв. — дешёвые, прочные для гор/полей

²Эспарто (esparto, *Stipa tenacissima*) — твёрдая трава

(*Stipa* spp.), растущая в сухих регионах Средиземноморья (Испания, Италия, Северная Африка). Высота 50–100 см, жёсткие листья (длина 50–80 см) плетутся в верёвки, корзины, подошвы обуви (альпаргаты). Собирают вручную весной, сушат

Глава 4

4 октября лета 6987 от Сотворения мира (1479 года от Рождества Христова). Раннее утро. Детинец Великого Новгорода .

В этом году лето отступило быстро, еще быстрее осень начала уступать свои права зиме, и та уже чувствовалась совсем близко — в холодных рассветах с тонким ледком на лужах, в инее, обильно укрывавшем быстро пожелтевшие кусты и деревья и в ледяном ветре, который того и гляди, нагонит снежные тучи. Горизонт едва посветлел на востоке, а во дворе боярина Кузьмина царила напряжённая суета: около полусотни человек уже сновали между телегами, конями и столами с провизией.

В покоях боярина тускло мерцали лучины. Печь почти прогорела, но еще продолжала отдавать остатки тепла. Крепкий мужчина с окладистой бородой, в простой холщовой рубахе, подпоясанной шерстяным кушаком, тихо постучал в дверь:

— Боярин, петухи поют!

Ермолай, быстро поднялся, облачился в тёплый кафтан из соболя с серебряной вышивкой по вороту и осторожно разбудил супругу. Анастасия, бледная от переживаний, тут же поднялась. Сон у нее был чуткий, от волнения она и так всю

ночь просыпалась от каждого шороха. Она накинула на себя поверх исподней рубахи теплый сарафан с узорчатой каймой и меховую душегрею.

В соседней горнице шестилетний Васятка сонно тёр глаза, укутанный в мягкий тулупчик из овчины. Мать подошла, ласково провела рукой по русым волосам:

— Вставай, свет мой. Пора.

Она отвела его к деревянному тазу с тёплой водой, омыла лицо с сапуном, от которого шёл тонкий травяной аромат. Шепнула, прижимая к себе на миг:

— Вот возьми, обереги для тебя, мое сердце: крестик намоленный и клык волчий — они тебя защитят от всякого зла! Не снимай, береги!

Надела на шею мальчика нательный крест и волчий клык — обереги, что должны были уберечь в дальнем пути. Василий потрогал их пальцами, взглянул на мать:

— А ты поедешь?

— Нет, мой хороший. Но сердце моё поедет с тобой.

Мальчик кивнул, стараясь не показать страха. Анастасия помогла ему надеть льняную рубаху до колен, шерстяные порты и короткий кафтанчик с медными пуговицами, на ноги — вязанные онучи под сапоги из мягкой кожи.

— В обозе валенки будут. Я Степану наказала: когда вода на дороге подмёрзнет, не спускайся с телеги — носи валенки, ноги нужно в тепле держать. Меня рядом не будет, но травки я тебе показывала. В ямах¹ вставать будете, дашь ямщику,

пусть заварит. Я еще Митьке накажу, вместе пейте.

— Хорошо, матушка, я помню, чай не маленький уже, — деловито ответил мальчик.

— Ну, давай, присядем на дорожку. Садись на сундук. Помолчим минутку перед дальней дорогой, с домом попрощайся. — Они вместе сели на сундук, мать обняла Васятку и прикрыла глаза, стараясь передать ему своё материнское благословение. И столько всего перемешалась в душе молодой матери: она понимала, что отправлять первенца придется, но так хотелось укрыть его от всех невзгод и так не хотелось с ним расставаться, ведь она понимала, что это очень надолго! И все же надеялась на лучшее, что всё с её мальчиком будет хорошо...

— Ну, пойдем во двор, там уже на столы для всех накрывают. В дороге ешь хорошо, не вороти нос. Сытым точно не заболеешь. Степана слушайся...

Они вышли во двор. Во дворе на них обрушилась суета, гул, топот, окрики. Около двадцати слуг Ермолая метались между телегами и конюшнями. В воздухе стоял неповторимый набор запахов: пахло дымящейся кашей из котлов, свежим хлебом из печи, конским потом, навозом и кожей упряжи, прелой соломой и древесной смолой от телег.

Пятеро конюхов в подпоясанных рубахах, войлочных шапках и кожаных рукавицах седлали и запрягали лошадей: двенадцать рысаков ржали, из ноздрей валил пар. Раздавались перекивания конюха с подручными:

— Подковы проверьте: салом хорошо промажьте!

— Смазали и я сам проверил, дядька! — это ему отвечает Митька, худощавый тринадцатилетний паренек служка в холщовой рубахе и суконном кафтане, что отправляется вместе с барчуком.

— Колеса у телег проверили? Чтоб не скрипели!

— Порядок!

— Готовьте телеги: передняя для дружинников, в средней чада едут! На оглобли побольше колокольцев навешать, чтоб издалече слышать было! — громыхал старший конюх, и в голосе его ощущалась тревога за путь.

Юный Митрий подбежал к боярыне с мальцом, и, поймав взгляд Василия, подмигнул:

— Не робей, вместе поедем. Я тебя не оставлю — юный служка изо всех сил не выказывал страха перед дорогой.

— Пойдем, Васятка, вон уже каши всем деткам накладывают, надобно сытым в дорогу двигаться! — мать повела сына к общему столу.

Повара и слуги, восемь человек в белых полотняных передниках поверх теплых кафтанов хлопотали у котлов: каша дымилась, на длинных столах уже лежали караваи хлеба в льняных полотенцах и горшочки с мёдом, от которых шёл сладкий, медовый дух.

— Каши поболе детям! — раздавался чей-то заботливый голос.

Под навесом накрыли столы: горячая каша, хлеб, мёд. От

еды идёт пар и смешивается с холодным воздухом, создавая особый дух и настроение.

Ермолай подошел к Василию, положил руку на маленькое плечо, задержал её, будто пытаюсь передать всю свою силу:

— Василий, помни сказку! Ты — не заложник, ты — посол. Ты везёшь с собой Новгород.

Анастасия, стараясь скрыть слёзы, улыбнулась. Улыбка вышла дрожащей, но светлой:

— Светло улыбнись! Пусть дорога видит: ты не боишься.

Дети ели неохотно, некоторые хныкали, не в силах справиться со страхом перед разлукой с близкими. Ратники, пытаясь подбодрить, шутили:

— Каши жрите больше в Москве пост! А тут — от души.

— И кто-то незаметно подкладывал в миску ложку мёда, от которого шел густой, сладкий аромат, чтоб вкуснее было.

Василий, крепкий мальчуган, довольно крупный для своего возраста, матушку слушал и ел основательно. Он пообещал отцу не только доехать, но и учиться хорошо, чтобы семья могла им гордиться, и чтобы в будущем стать великим купцом и послом в дальние страны от Великой Руси единой. Он не знал, что его ждет впереди, но был твердо настроен отца не подвести, государеву милость своим трудом и учебой заслужить.

Наконец, трапеза закончилась и все потянулись к повозкам.

Семеро слуг багажа в грубых шерстяных кафтанах и ко-

жанных поясах укладывали тюки с одеждой, мехами, сумками в крестьянские телеги — массивные, на толстых колёсах, повозки с высокими деревянными бортами, крытые просмоленной парусиной, укреплённой кожаными ремнями. Внутри под парусиной пол был устлан слоем соломы и одеялами, здесь же стояли сундучки с провизией.

— Псалтирь барина не давить! — предостерегал один из мужиков, бережно укладывая книгу в кожаный футляр.

Рядом выстроились в строй около тридцати дружинников Патрикеева, которые будут сопровождать обоз.

Двадцать пеших воинов, одетых по-московски: в зелёные кафтаны из плотного сукна, подпоясанные кожаными ремнями, на головах — высокие войлочные шапки с меховой опушкой. За плечами — пищали, на поясах — ножи и мешочки с порохом. От них пахнет дымом, железом и крепким потом.

Десяток конных — в тех же кафтанах, но с облегчёнными кольчужными вставками, на головах — стальные шишаки. У них в руках сабли, а на седлах — сумы с припасами. Их кони, вороные и гнедые, переступают, фыркают, разбрасывая брызги грязи из-под копыт.

Среди пеших ратников был и Степан Ломов, дядька Василия, крепкий пятидесятилетний мужчина с сединой в бороде, в кафтане с кожаными заплатами на локтях, с топором за поясом.

Кто-то с грубоватым юмором заметил:

— Волохович малец хнычет. Да ничего, слезами путь не укоротишь. — Но то не насмешка, а тёплая, суровая забота.

Дети, десять мальчиков от пяти до восьми лет, жались друг к другу. Василий стоял рядом с семилетним Волоховичем, который тихо плакал. Мальчик шмыгнул носом, вытирая слёзы рукавом:

— Я не боюсь. Просто... просто дома лучше.

С другой стороны — братья Петровы, пяти и восьми лет. Старший обнимал младшего, шептал ему на ухо, уговаривая:

— Не реви. Мы вместе. Вместе надежнее, нас двоих никто не обидит, я за тебя всегда заступлюсь, — на них на всех такие же, как на Васятке простые льняные рубахи, шерстяные кафтаны, кожаные сапожки. У кого-то на шее крестик, у кого-то ладанка с травами.

Матери крестили детей, отцы крепко обнимали, сдерживая слёзы. Кто-то шептал молитвы, кто-то целовал лбы, кто-то просто держал за руку, передавая силу своего молчания.

— Господи, сохрани! — шептали женщины, и слова их растворялись в утреннем воздухе, как дым от костров.

На возвышении верхом на могучем гнедом коне восседал князь Патрикеев Иван Юрьевич, пятидесятидевятилетний воевода в кольчуге поверх стёганого поддоспешника, в шлеме с бармицей. Его голос, твёрдый и властный, перекрывал шум, но в нём нет жестокости, лишь тяжесть ответственности:

— Верные — вперёд! Дети в середину! Конные — фланги и дозор! И чтоб каждый знал: они — наше будущее.

Митрий, уже сидя на телеге, закричал:

— Барчук, свистульку взял?

Василий похлопал по карману:

— Взял.

— Вот и ладно. В дороге свисти — ветер разгонишь, тоску прогонишь.

Патрикеев лично обошел караван. Три телеги, обложенные соломой, готовы к пути:

Передняя телега — пять ратников (дозор). Они будут следить за дорогой, принимать первые решения. Средняя телега — дети (десять мальчиков), под присмотром Степана Ломова, Митрия и пяти ратников. Здесь теплее, теснее; пахнет домом — хлебом, мёдом, шерстяными одежками, детским теплом. Задняя телега — багаж и пять ратников. Они прикрывают тыл, и в их взглядах читается: «Не дадим детей в обиду».

А по флангам, уверенно держа поводья, уже выстроились конные ратники. Их кони переступали, чутко прислушиваясь к каждому звуку. Всадники оглядывали лес, поля, дорогу — ничто не должно ускользнуть от их зоркого взгляда.

Патрикеев поднял руку. На миг всё замерло.

— Готово? Алтын с лошади! Вперёд!

Звон колокольчиков, чавканье колёс по раскисшей от мороси земле. Толпа из полусотни человек замахала вслед. Ма-

тери уже не сдерживали слёз, отцы стояли прямо, сжимая кулаки. Кто-то крестил воздух, кто-то шептал имя ребёнка, кто-то молча смотрел, пока телеги не скрылись в тумане.

Василий, сидя на телеге, обернулся:

— Батюшка!

Ермолай, глядя вслед каравану, твёрдо произнёс:

— Благослови тебя Господь, сын!

Туман, смешанный с инеем, медленно смыкался за уходящими телегами, скрывая дорогу на Любково. Во дворе ещё долго стоял запах дыма, конского пота и свежей соломы — следы только что ушедшей жизни. И где-то вдали, сквозь туман, доносился тихий свист: Василий пробовал свою свистульку, разгоняя тоску и встречая дорогу.

Родители вышли за ворота Детинца и еще долго смотрели вслед удаляющемуся каравану. Туман скрыл телеги, но свист свистульки ещё пробивался — то громче, то тише, будто сердце билось вдали.

— Помнишь, как он выпросил ее у тебя, чтобы ты вырезал? — шепнула Анастасия. — Из липы, ножом. Говорил: «Свищу — везде слышно!»

Ермолай кивнул. В тишине — дыхание и шум вод Волхова.

Свист затих. Они повернулись. У дороги блеснула капля — дождь иль слеза?

Анастасия вздохнула, поправила кольцо на очады²:

— До встречи, сынок, — шепнула, глядя на следы колёс.

¹ **Яма** — государственное постоянное дворовое место при дороге для отдыха путников, смены лошадей и ночлега, учреждённое при Иване III для быстрой передачи сообщений и передвижения официальных лиц.

² **поправила кольцо на очадые** Анастасии — символический жест: поправляет обручальное кольцо на безымянном пальце правой руки (православная традиция Руси XV в., "Ангел за правым плечом") как оберег семьи/сына в разлуке

Глава 5

9 октября 1478 года, полдень. Кастилия. В 4 легах к северу от Сеговии — деревня Навас-де-Риофριο.

В горнице аптекаря в Навас-де-Риофριο царил полумрак: стены из потрескавшегося адобе¹ белели известью, воздух был пропитан дымом очага, терпким ароматом шалфея и кровью. Свет из узкого оконца проникал в комнату, принося свежесть и освещая рану больного. С улицы слышались крики деревенских ребятишек, лай собак, рев мулов и коров и шум леса. В углу потрескивал очаг — котёл с похлёбкой из овощей тихо булькал, наполняя горницу аппетитным ароматом.

Раненый лежал под одеялом на большой дубовой лавке, принесенной специально для него из кладовой и придвинутой к стене рядом с окном. Окровавленный камзол, доспехи и рубаху с него сняли, разрезав ножницами; штаны стянули, оголив тело для удобства осмотра и ухода за раной.

Бледный, как мел, с заострившимися скулами и спутавшимися тёмными волосами, он дышал ровно, грудь мерно вздымалась под грубой простынёй, подложенной под шерстяное одеяло. Такая же простыня лежала под ним поверх тюфяка из соломы. Боковая рана багровая — прикрыта компрессом из размятой кровохлёбки и шалфея, обмотана чистой тканью. На левом плече огромный синяк до самой гру-

ди. Под лавкой горшок.

Изабель пятые сутки не отходила от своего спасенного. И только сегодня впервые смогла вздохнуть чуть свободнее. Юная травница хлопотала неустанно. Хрупкая, в льняном платье с закатанными рукавами, смуглая от солнца, она привычно намочила тряпку в тёплой родниковой воде из таза, с добавленным отваром ромашки. Аккуратно обтёрла его лицо, шею, торс, смывая пот, избегая раны. Кожа под её пальцами была ещё горячей, но уже не обжигающей. «Как же хорошо, сеньор, потеть начал, рана заживает, жар спадает — шептала, — травы помогают». Проверила компресс: кровь не сочилась. Мёд и травы делали своё дело. Сменила тряпку под простынёй, что лежала под бедрами, вынесла горшок во двор, ополоснув в ведре.

Все эти дни и ночи мужчину лихорадило не на шутку, жар не спадал. Раненый стонал во сне, хватаясь за простыню, что-то бессвязно бормотал, но в сознание не приходил. Лоб горел огнем, рана была еще горячее, но сегодня жар слегка отступил, и появилась надежда, что скоро воин пойдет на поправку.

Вернувшись, Изабель сняла с огня котелок, отлила в миску немного бульона и оставила остывать.

Отец сидел за столом и толлок травы в ступке.

— Держись, дочка, придет в себя — отблагодарит.

Она налила похлёбку в миски и села с отцом за стол.

— Да, отец, я надеюсь, он придет в себя уже скоро. Жар

отступил сегодня. Возможно, сегодня ночью нам даже удастся поспать!

Отец нарезал каравай ржаного хлеба, что дочь испекла с утра. Изабель с удовольствием взяла краюху к похлебке. Несмотря на усталость, аппетит у нее сегодня был отменный. Видимо, сказалось, что у пациента спал жар. Она с надеждой смотрела в будущее.

Сидя за столом, она продолжала наблюдать за раненым. Сейчас, когда пик опасности миновал, она вновь залюбовалась им, разглядывая уже без волнения за его жизнь.

Воин, лежащий в их доме, обладал тренированным телом, которое прекрасно боролось за жизнь. Пухлые упрямые губы сегодня не сжимались от боли и жара. Темные волосы длиной до плеч спутались. Она отметила, что, наверное, завтра надо бы ему их помыть днём, пока тепло. А сегодня можно попробовать хоть немного расчесать. На щеках пробилась густая щетина — за те пять дней, пока она билась за его жизнь, он изрядно оброс. «Но побреется сам, когда окрепнет», — подумала она.

— Отец, а помнишь камзол, что мы срезали с него? На нём герб был вышит — золотой лев на красном поле, с короной! И бумаги под рубахой — там упоминание Риофрио, — тихо сказала Изабель, макнув хлеб в похлёбку. Пока шла борьба за жизнь раненого, не было ни сил, ни времени обсудить личность спасённого.

Родриго замер, ложка повисла в воздухе. Он задумчиво

посмотрел на раненого, потом на дочь.

— Лев Мендосов? С короной Энрикес? И Риофрио — произнёс он негромко. — Дон Альваро? Наш сеньор? Тот самый, что по слухам, в поездке ко двору Изабеллы исчез? — Он помолчал. — Если это он Мы его дом, дочь. Земли наши — его лен². А слухи о его пропаже Они тревожат, но пока никто не приходил, не искал его здесь.

Изабель кивнула, глаза заблестели, но голос остался ровным:

— Камзол бархатный, золотая нить, тонкая работа. И меч — толедский клинок, рукоять в серебре, с гравировкой. Отец, если очнётся — мы спасли сюзерена. Но тихо — вдруг не он? Вдруг это просто странник с похожим гербом?

Родриго постучал ступкой по столу, но уже мягче:

— Верно. Долг есть долг. Мы поможем ему, кем бы он ни был. Но молись, дочь, чтобы это оказался дон Альваро. Без него Риофрио теряет опору. Слухи ходят, люди волнуются. А если граф жив — он восстановит порядок.

Убрав со стола, она вышла во двор и ополоснула миски за собой и отцом. Вернувшись в дом, убрала хлеб в корзину, прикрыв его чистой тканью. Из котелка для отваров отлила в кружку приготовленный специально для него отвар шалфея с тысячелистником с добавлением ромашки и зверобоя, перелила остывший бульон в большую кружку, и направилась к раненому.

Она составила обе кружки на табурете у изголовья боль-

ного, подоткнула подушку под его головой. Несколько дней жара он мог лишь глотать капли. Сегодня она надеялась влить ему бульона немного побольше.

Сперва она капнула отвар зверобоя — он сглотнул рефлекторно, и вдруг застонал громче обычного. Глаза дрогнули, веки приоткрылись. «Где... я бандиты...» — он захрипел, рука потянулась к боку, схватил повязку и скривился от боли. Голова метнулась — увидел Изабель. «Ты... кто? Ангел?» — голос севший, глаза мутные от лихорадки.

Изабель замерла, потом проговорила мягко:

— Я Изабель, травница. Вы в Навасе, живы, слава Пресвятой Деве. Не шевелитесь, прошу, рана свежая. — Поднесла бульон: — Пейте, сеньор!

Он глотнул, кашлянул, попытался сесть и скривился от боли. Слабость была слишком сильная. Его губы пересохли, язык едва шевелился.

— Позвольте, я вам помогу? — Изабель взяла кружку с бульоном, и сама поднесла к его губам, приподнимая голову второй рукой. Он сделал несколько жадных глотков и посмотрел на нее:

— Вкусно! — и после допил все, что было в кружке. — Пить!

Она тут же подала ему отвар. Глотнув, он скривился:

— Горько!

— Сейчас, добавлю мёду. — Изабель дошла до полки с припасами, достала маленький бочонок с мёдом, зачерпнула

ложечку и размешала в теплом отваре. — Теперь вкуснее — поднесла к его губам.

— Лучше, — согласился он, — но все же горько.

— Это лекарство, без него вы не встанете на ноги, сеньор, надо пить!

Он поднял на нее глаза и передумал спорить — выпил все, что было в кружке лишь слегка поморщившись, и откинулся на подушку.

— Сеньор, вы помните, что с вами случилось? Кто вы? Как вас зовут?

Попытался что-то ей ответить, но его веки сами сомкнулись, и он погрузился в здоровый восстанавливающий сон.

¹Адобе сырцовый кирпич из глины и соломы, высушенный на солнце (не обожжённый). Идеален для климата Севе-вии/Гуадалрамы: дешёвый, термоизоляция (лето +40°С, зима 0°С), стены 40-60 см

²Лен — средневековое земельное владение, предоставляемое сеньором вассалу в обмен на военную или иную службу

В горнице аптекаря в Навас-де-Риофрио царил полумрак: стены из потрескавшегося адобе¹ белели известью, воздух был пропитан дымом очага, терпким ароматом шалфея и кровью. Свет из узкого оконца проникал в комнату, принося свежесть и освещая рану больного. С улицы слышались крики деревенских ребятишек, лай собак, рев мулов и коров и шум леса. В углу потрескивал очаг — котёл с похлёбкой из овощей тихо булькал, наполняя горницу аппетитным арома-

том.

Раненый лежал под одеялом на большой дубовой лавке, принесенной специально для него из кладовой и придвинутой к стене рядом с окном. Окровавленный камзол, доспехи и рубаху с него сняли, разрезав ножницами; штаны стянули, оголив тело для удобства осмотра и ухода за раной.

Бледный, как мел, с заострившимися скулами и спутавшимися тёмными волосами, он дышал ровно, грудь мерно вздымалась под грубой простынёй, подложенной под шерстяное одеяло. Такая же простыня лежала под ним поверх тюфяка из соломы. Боковая рана багровая — прикрыта компрессом из размятой кровохлёбки и шалфея, обмотана чистой тканью. На левом плече огромный синяк до самой груди. Под лавкой горшок.

Изабель пятые сутки не отходила от своего спасенного. И только сегодня впервые смогла вздохнуть чуть свободнее. Юная травница хлопотала неустанно. Хрупкая, в льняном платье с закатанными рукавами, смуглая от солнца, она привычно намочила тряпку в тёплой родниковой воде из таза, с добавленным отваром ромашки. Аккуратно обтёрла его лицо, шею, торс, смывая пот, избегая раны. Кожа под её пальцами была ещё горячей, но уже не обжигающей. «Как же хорошо, сеньор, потеть начал, рана заживает, жар спадает — шептала, — травы помогают». Проверила компресс: кровь не сочилась. Мёд и травы делали своё дело. Сменила тряпку под простынёй, что лежала под бедрами, вынесла горшок во

двор, ополоснув в ведре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.